

В. В. ВИНОГРАДОВ

О НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. По мере распространения русского языка в современном мире растет и интерес к его истории. Среди исторических исследований в области русского языкознания особенно большое внимание уделяется вопросу о роли древнеславянского или церковнославянского языка в истории русского литературного языка. Истоки этого церковнославянского или древнеславянского языка восходят к «классическому» старославянскому языку, который в IX—XI вв. был общим литературно-письменным языком всего славянства, т. е. всех славянских народов — южных, восточных и западных. Речевая культура западославянских народов обособилась от церковнославянской языковой традиции, однако эта традиция продолжала развиваться у южных и восточных славян на их народной почве в разных странах со специфическими особенностями вплоть до нового времени. Это позволяет изучать древнеславянский язык как «общий литературный язык южных и восточных славян» (работы Р. Пиккио, Н. И. Толстого, А. Достала, Й. Курца и др.)¹.

Особенно велико значение церковнославянского языка в развитии русского литературного языка. Несмотря на то, что этому вопросу были посвящены труды таких замечательных русских славистов, как А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, Б. М. Ляпунов, С. П. Обнорский и др., он еще очень далек от окончательного решения.

На VI Международном съезде славистов этому вопросу были посвящены доклады проф. Б. О. Унбегауна и проф. Г. Хюттль-Ворт.

Б. О. Унбегаун в своих последних статьях «Кирилло-Методиевское наследие в России»² и «Русского ли происхождения русский литературный язык?», а также в докладе на VI Международном съезде славистов в Праге «Язык русской литературы и проблемы его развития» стремится обосновать «непрерывное развитие, без какого бы то ни было разрыва, русского литературного языка с киевского периода до наших дней. Это положение неизбежно приводит к выводу о церковнославянской природе литературного языка, лишь постепенно русифицировавшегося»³. С первого взгляда может показаться, что здесь нет никаких расхождений со взглядами А. А. Шахматова на происхождение и развитие русского литературного языка (особенно ясно и детально изложенными им в «Очерке современного русского литературного языка», литогр. изд., Спб., 1911—1912 и во «Введении в курс истории русского языка», Пг., 1916). Но у А. А. Шахматова в

¹ См.: Н. И. Толстой, К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян, ВЯ, 1961, 1.

² B. O. U n b e g a u n, L'héritage cyrillo-méthodien en Russie, «Cyrillo-Methodiana: zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven, 863 — 1963», Köln — Graz, 1964; е г о ж е, Le russe littéraire, est-il d'origine russe?, RESL, 44, 1965.

³ «VI-e Congrès international des slavistes. Communications de la délégation française et de la délégation suisse», Paris, 1968, стр. 129 (далее стр. доклада указываются в тексте).

его суждениях о роли церковнославянского языка в истории древнерусской письменности и литературы были некоторые колебания. Они отчасти были связаны с неопределенностью самого термина «литературный язык» по отношению к культуре древней Руси.

В первой обобщающей статье А. А. Шахматова по истории русского языка признается наличие в древней Руси двух письменных языков. «... родоначальником письменного русского языка следует признать церковнославянский, который, вместе с духовенством и священными книгами, был перенесен к нам из Болгарии. Но под инославянской оболочкой рано начал пробиваться живой язык народа... В скором времени русский язык получил доступ и в самостоятельную, зародившуюся в центре русской земли письменность: летописи, исторические сказания и юридические акты пишутся языком, близким к живой речи и только в подборе слов и синтаксических оборотов обличающим свою зависимость от церковной письменности»⁴.

Позднее А. А. Шахматов уже утверждает, что «... самый язык образованных классов древней Руси был по происхождению своему языком церковным, постепенно обрусевшим, а не наоборот:—русского живою речью, подвергнутою церковному влиянию»⁵.

А. А. Шахматов теперь склонен думать, что и государственно-деловая древнерусская письменность, восходящая к началу X в., «как видно из Олегова договора 911 года, ... велась на древнеболгарском языке»⁶. Но уже в XI в. происходило «преобразование древнеболгарского языка, ... превращение его в русский литературный язык»⁷. Таким образом, у Шахматова термины «письменный язык» и «литературный язык» по отношению к XI—XIII вв. употребляются без точного и глубокого различия. Современный русский литературный язык рассматривается Шахматовым как «перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличье»⁸. Правда, в конце XIV в. усилились волны церковнославянизмов в древнерусском литературном языке, в который до этого периода, периода так называемого «второго южнославянского влияния», была открыта «широкая дверь для живых народных элементов». В XV—XVI вв. архаизируется грамматический строй, распространяются сербизмы и болгаризмы; расширяется и изменяется церковнославянская лексика. «Церковный пуризм должен чувствовать себя удовлетворенным: над народной стихией и над светским литературным языком одержана великая победа; церковный язык не смешался с языком подъячего съезжей избы, пишущего грамоты, совершающего сделки на простонародном грубом языке»⁹. Любопытно, что здесь по отношению к эпохе с конца XIV в. А. А. Шахматов применяет термин «светский литературный язык», не определяя точно его содержание. В последующее время, со второй половины XVII в., по Шахматову, «основное движение русского литературно-

⁴ А. [А.] Шахматов, Русский язык, «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, XXVIII, СПб., 1899, стр. 579—580.

⁵ А. А. Шахматов, Курс истории русского языка, ч. I, 2-е [литограф.] изд., СПб., 1910—1911, стр. 199—200.

⁶ А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, ч. I, Пг., 1916, стр. 81.

⁷ А. А. Шахматов, Русский язык, его особенности..., в кн.: «Очерк современного русского литературного языка», 4-е изд., М., 1941, стр. 236.

⁸ А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, стр. 60, 62. Ср.: его же, Очерк древнейшего периода истории русского языка, Пг., 1915, стр. XXXIX; его же, Курс истории русского языка, ч. I, стр. 206.

⁹ А. А. Шахматов, Курс истории русского языка, ч. I, стр. 206.

языкового развития сводилось к все большему и больше расширению и углублению народных потоков и стихий» в составе национально-литературной речи, хотя Шахматов не отрицал и важности иностранных заимствований (особенно из западноевропейских языков) в связи с европеизацией быта, техники и культуры, с успехами научной и политической мысли.

«Таким образом, в истории русского литературного языка, согласно общей Шахматовской несколько прямолинейной схеме его развития, наиболее глубоко и разносторонне выступали две основные жизненные силы: болгарская книжная основа и ее прогрессивно развивающаяся и преобразующая могучая русская народно-речевая стихия»¹⁰. Что касается современного русского языка, то он, по убеждению Шахматова, «содержит в себе еще и теперь наполовину слова, формы, обороты древнеболгарской книжной речи»¹¹. В «Очерке современного русского литературного языка» А. А. Шахматов высказывает ту же мысль, касаясь лишь словарного состава современного русского языка: «... в словарном своем составе он по крайней мере наполовину, если не больше, остался церковнославянским»¹².

Подробное изложение взглядов А. А. Шахматова на роль церковнославянского языка в истории языка русской письменности и литературы необходимо здесь потому, что Б. О. Унбегаун, опираясь только на шахматовский «Очерк современного русского литературного языка» (Л., 1925), не только упрощает, но и изменяет идеи Шахматова.

В этой связи целесообразно отметить еще некоторые противоречия и осложнения в системе Шахматова, относящиеся к функциям церковнославянского языка в русской литературной традиции.

По Шахматову, договоры с греками в X в. переводились на древнеболгарский (древнемакедонский) язык, но в «Русской правде» отразился живой язык дописьменной государственно-деловой традиции, язык обычного права, лишь закрепленный кодификацией на письме. Владимир Мономах писал свое Поучение на церковнославянском языке, но в летописях, особенно новгородских, слышится живая устная речь: «... в XIII в. имеем ряд грамот, где с трудом отыскивается редкий болгаризм, где речь совершенно народная...»¹³. С одной стороны, развивается двуязычие и дифференциация между письменностью светской и духовной¹⁴, а с другой стороны, уже в XI в. русские люди обращаются с церковнославянским языком как со своим достоянием, как с «собственностью всенародной»¹⁵.

В «Курсе истории русского языка» А. А. Шахматов говорит даже о раздвоении жизненного пути самого церковнославянского языка, в зависимости от его церковно-учительного или светского гражданского употребления, уже с XI в. «Конечно, оба жизненные пути, открывшиеся для церковного языка, разойдутся в разные стороны не скоро; они в начале связаны между собой теснейшим образом, их связывают и общие деятели — в светской письменности работают все те же монахи, попы и дьяки, как в письменности церковной, и общее направление: светский памятник не может еще отказаться от церковного учительства: не только язык, но и мысли его отражают тот круг, где постоянным чтением служит священное

¹⁰ В. В. Виноградов, История русского литературного языка в изображении акад. А. А. Шахматова, «Филологический преглед», 3—4, 1964.

¹¹ А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. XXXIX.

¹² А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, стр. 90.

¹³ А. А. Шахматов, Курс истории русского языка, ч. I, стр. 201.

¹⁴ Там же, стр. 194—195.

¹⁵ Там же, стр. 198.

писание и труды учителей церкви, где ум не может отрешиться от заполнившей его религиозной идеи. Лишь спустя долгое время наступает заметная и отчетливая дифференциация между письменностью церковной и гражданской, светской и духовной»¹⁶.

Б. О. Унбегаун, очевидно, счел излишним обращение ко всей совокупности работ Шахматова по истории русского языка и по истории соотношений и взаимодействий русского и церковнославянского языков в разные периоды этой истории. Отсюда и такое глубоко ошибочное его заявление: «Шахматов не пошел дальше провозглашения принципа происхождения русского литературного языка из церковнославянского» (стр. 130). И дальше, ограничиваясь своим единственным источником для изучения шахматовской концепции, а именно «Очерком современного русского литературного языка», Б. О. Унбегаун пишет: «В дальнейшем, в той же книге он (Шахматов. — В. В.) уже не говорит о церковнославянской основе, а лишь о церковнославянских элементах литературного языка, как если бы эти элементы наслаивались на какую-то другую, по-видимому, русскую основу литературного языка. Впечатление наслоенности и неорганичности церковнославянской стихии в литературном языке усиливается у Шахматова еще тем, что он рассматривает лишь явные церковнославянские слова, т. е. такие, которые отличаются от соответствующих им русских слов характерными фонетическими и морфологическими признаками. Он совершенно не касается вопроса об огромном слое словаря, состоящем из слов общих русскому и церковнославянскому языкам, тех „словенороссийских речений“, которым Ломоносов придавал решающее значение в структуре словаря русского литературного языка» (там же). Но в этих полемических выпадах почти все основано на недоразумении. О словаре и его частях — как народно-русских, так и церковнославянских, Шахматов не писал в этом «Очерке», так как в нем излагались вслед за общим историческим введением лишь фонетика и морфология современного русского языка. Самый термин «церковнославянские элементы» по отношению к описательному очерку фонетики и морфологии современного русского языка (включая сюда некоторые указания на словообразование) не мог никого шокировать и вызвать такое истолкование, которое предложено ему Б. О. Унбегауном. Дело в том, что еще в 1893 г. вышло в свет исследование С. К. Булича «Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке» (ч. I, СПб., 1893). А. И. Соболевский в рецензии на этот труд писал: «Судьбы церковнославянского языка в России и церковнославянские элементы в современном русском языке заслуживают внимания ученого исследователя в разных отношениях»¹⁷. Тут различаются, с одной стороны, «судьбы церковнославянского языка в России» и, с другой, «церковнославянские элементы в современном русском языке».

Б. О. Унбегаун не отрицает «постепенной русификации» церковнославянского языка, протекавшей неравномерно в разных частях языка. По его мнению, меньше всего эта русификация затронула синтаксис, подвергшийся в XVIII в. другим, не русским влияниям (польскому, латинскому, немецкому, французскому). «Словарный состав русифицировался очень медленно и, что самое главное, лишь частично». И далее в формулировке Б. О. Унбегауна возникает оригинальное отклонение от шахматовской концепции. «В своей основе словарный состав современного русского литературного языка продолжает оставаться церковнославянским, и не только оставаться, но и развиваться и обогащаться при помощи церковнославянского словообразования. Такие новые слова как

¹⁶ Там же, стр. 194—195.

¹⁷ ЖМНП, ч. 293, 1894, май, стр. 215.

здравоохранение, соцсореснование, истребитель, хладотелника и многие другие, не являются, как принято думать, заимствованными в русском литературном языке из чуждой ему церковнославянской стихии, а просто доказывают, что церковнославянский по происхождению русский литературный язык продолжает существовать и развиваться как каждый живой язык, по своим собственным законам» (стр. 129).

Нельзя не видеть элементов механицизма и антиисторизма в этом рассуждении. Церковнославянский словарь, оторванный от национальной или интернациональной жизни и от народной русской стихии, которая охватывает его со всех сторон — и семантической, и словообразовательной, и грамматической, по мнению Б. О. Унбегауна, продолжает в современной русской речи (так же как в XVII—XVIII и XIX—XX вв.) сохранять свои внутренние законы развития, подавляя проявления народно-русского речевого творчества.

Б. О. Унбегаун полагает, что в русском языке всякое образование, характеризуемое церковнославянским суффиксом, какова бы ни была база, к которой присоединен этот суффикс, должно рассматриваться как церковнославянизм; церковнославянским здесь является самый процесс словопроизводства (так же, как и словосложения). Получается, что в современном русском языке создано несметное число церковнославянизмов, и среди них, например, технические специальные термины (типа *хладотелника, вратарь*)¹⁸.

Близко к этой точке зрения подходил Г. О. Винокур, относивший к славянизмам современного русского языка причастия *телефонирующий* и *транслирующий*¹⁹. Это, конечно, антиисторично и противоречит семантическим фактам языка.

По мнению Б. О. Унбегауна, «если принять тезис о непрерывном развитии русского литературного языка, скажем от „Сказания о Борисе и Глебе“ до автобиографии Паустовского, то слова этого общего „словенороссийского“ слоя (общие русскому и церковнославянскому языку. — В. В.) придется неизбежно признать по существу церковнославянскими, но также и русскими, а не русскими, но также и церковнославянскими, как это, по-видимому, молчаливо принимается в наше время». Б. О. Унбегаун осуждает русских исследователей за то, что их «интерес сосредоточивается почти исключительно на словах явно церковнославянских и явно русских. Между тем именно этот общий слой и сделал возможным конечное торжество церковнославянского как литературного языка России» (стр. 130).

Б. О. Унбегаун оставил без внимания тот факт, что у нас велась и ведется исследования разных соотношений и взаимодействий славянизмов и русизмов в области литературной лексики (ср. работы Л. П. Якубинского, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова и др.). Это в первую очередь процессы скрещения омонимических славянизмов и русизмов с последующей дифференциацией значений, противопоставления и омонимического оттачивания славянизмов и русизмов и т. п.

Процессы взаимодействия церковнославянской и народно-русской лексики в разных жанрах древнерусской литературы были разнонаправленными и не всегда сводились к проникновению русских слов в исконно церковнославянский язык — иногда, наоборот, они вели к расширению применения церковнославянизмов в памятниках русского типа. Достаточно сослаться на язык разных видов сатирических произведений XVII в., изданных В. П. Адриановой-Перетц. Кроме того, взаимодействие церковнославянизмов и русизмов двигалось по разным направле-

¹⁸ В. О. U n b e g a u n, Le russe littéraire, est-il d'origine russe?, стр. 24.

¹⁹ Г. О. В и н о к у р, О славянизмах в современном русском литературном языке, «Избр. работы по русскому языку». М., 1959, стр. 443.

ниям в донациональный период, когда преобладало воздействие церковнославянизмов, и в период формирования нации, когда волны разноречивой народной русской речи хлынули в язык литературы. Поэтому необходимо в этом смысле видоизменить и дополнить выдвинутое Б. О. Унбегауном предложение: «вопрос о проникновении русских слов в исконно церковнославянский литературный язык должен стать насущным вопросом истории словарного состава литературного языка. Надо сказать, что изучение этого вопроса практически еще не начиналось» (стр. 131). Но по отношению к таким, например, памятникам, как I Новгородская летопись, вопрос повертывается в другую сторону, если иметь в виду, что было два языка или два типа литературного языка в древней Руси.

Из других вопросов, выдвинутых Б. О. Унбегауном и своеобразно, хотя и несколько прямолинейно и схематически решаемых им, остановимся на вопросе о разговорном языке и его истории. По мнению Б. О. Унбегауна, «приблизительно до середины XVIII в. он полностью продолжал традицию Московской Руси. Это был в основе своей крестьянский язык с заметными географическими, но очень незначительными социальными различиями. Из него в литературу хлынули слова скорее диалектного типа, которые так характерны для русской литературы первой половины XVIII в., особенно 30-х и 40-х годов. Большое количество этих диалектных слов было впоследствии вытеснено церковнославянской традицией литературного языка». «... этот традиционный разговорный язык часто использовался авторами как язык персонажей комедии, и, следовательно, мог иметь жанровые функции» (стр. 131—132).

«Отношение разговорной речи и литературного языка постоянно менялось в XVIII в. ... Старый, до-петровский разговорный язык употреблялся почти в полной мере до середины XVIII в. Но во второй половине века область его применения начинает суживаться. Действительно, этот примитивный и в значительной степени диалектный язык не мог больше удовлетворять верхний слой образованного общества, способного уже ценить выработанный и изощренный литературный язык, выросший на церковнославянской основе».

«Перед верхним слоем столичного общества стоял, по-видимому, выбор между традиционным разговорным языком и языком французским. ... выбор пал на французский язык... Совершенно естественно, что в такой комбинации исторически нейтральный, традиционный разговорный язык приобрел печать просторечья» (стр. 132).

В этих схематических рассуждениях много неясного. Процесс превращения старинного «крестьянского» языка в просторечие неясен и непонятен.

«Во второй половине XVIII в. наметилась новая тенденция в разговорном языке образованного общества... К концу XVIII в. русское образованное общество начало пользоваться литературным языком как языком разговорным» (стр. 132—133). Ведь французский разговорный язык не мог укрепиться во всех слоях этого общества. «Это была новая победа церковнославянской стихии, не менее важная для дела дальнейшего развития литературного языка, чем сохранение этим последним церковнославянских традиций в Петровскую эпоху» (стр. 133).

Традиционный разговорный язык был отгеснен на культурную периферию. «Тем самым было в большой степени стерто различие между просторечием и диалектами. Это лишило диалекты всякого непосредственного влияния на литературный язык; такое влияние, чтобы укрепиться в литературном языке, должно было сначала пройти сквозь его разговорный, но все же церковнославянский, вариант» (стр. 133). Таким образом, по схеме Б. О. Унбегауна, церковнославянским языком, вытеснившим

родную русскую речь из литературно-книжного и из разговорного общественного обихода, всюду были расставлены рогаки для борьбы с народным русским языком на пути его движения в литературный язык. «Попытки некоторых русских писателей, начиная с Даля и кончая Солженицыным, обогатить литературный язык за счет диалектов не могли не кончиться неудачей. Отдельные немногочисленные заимствования не идут в счет» (стр. 133).

Б. О. Унбегаун считает, что такой путь развития русского литературного языка способствовал его процветанию. «Литературное происхождение разговорного языка значительно облегчило ему заимствования из культурных языков Запада, в первую очередь из того самого французского, бывшего его предшественником в разговорной практике русского общества» (стр. 133). По мнению Б. О. Унбегауна, культурные термины западноевропейских языков, при своей абстрактности, «лучше и естественнее укладывались в словарную структуру церковнославянского языка, чем в структуру русского» (там же). Но это решительное и ничем не обоснованное заявление противоречит тому бурному процессу движения исконно русской народной лексики — медицинской, естественно-научной, сельскохозяйственной и другой — в научную терминологию, который наблюдается у нас еще с XVIII в.

«Литературное (т. е. по Б. О. Унбегауну, церковнославянское. — В. В.) происхождение русского разговорного языка спасло русскую литературу от бесплодных конфликтов между языком письменным и языком разговорным, конфликтов, столь тормозящих, например, литературное развитие в Сербии, Болгарии и особенно Греции. Спасло оно русскую литературу и от множественности „литературных диалектов“, столь характерных, например, для немецкой (Literaturdialekte) и, в еще большей степени, для сербо-хорватской языковой области. Это единственное в своем роде развитие дает русскому литературному языку завидную монолитность по сравнению с другими славянскими и многими неславянскими языками (стр. 133—134).

Итак, «завидная монолитность» русского литературного языка, по предположению и предложению Б. О. Унбегауна, обусловлена тем, что он свободен от глубоких связей с русской народно-речевой почвой и всеми «сокровищами родного слова» обязан языку церковнославянскому.

По докладу Б. О. Унбегауна в целом можно сказать следующее (эти замечания были высказаны мною на Пражском съезде славистов).

Предлагаемая Б. О. Унбегауном концепция истории русского литературного языка не соответствует реальным историческим процессам развития русского литературного языка. Во-первых, непонятно, почему старославянский язык, бывший в IX—XI вв. международным литературным языком всего славянства, только в России остался на все время существования и развития русского государства и превратился в национальный литературный язык русского народа. Во-вторых, еще более странно отрицание участия народной русской речи с ее диалектными разветвлениями в формировании языка русской нации (вопреки свидетельствам истории русской культуры и величайших русских писателей и создателей русской художественной речи: Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина, Л. Толстого, Тургенева, Достоевского и мн. др.) В-третьих, возникновение древнерусского литературного языка в X—XI вв. нельзя представлять как процесс заполнения пустого места чужим церковнославянским языком. Процесс формирования, складывания древнерусского литературного языка определялся взаимодействием и синтезированием четырех (правда, неравноправных) элементов: 1) старославянского (или церковнославянского) языка; 2) деловой, государственно-правовой и дипломатической речи,

развивавшейся еще в дописьменную эпоху; 3) языка фольклора и 4) народно-диалектных элементов. Роль конденсатора и грамматико-семантического регулятора сначала принадлежала церковнославянскому языку. Реальный состав сплава или смешения всех этих элементов зависел от жара письменности и литературы. Изучение дальнейшего развития русского литературного языка должно быть направлено в сторону открытия закономерностей и правил взаимодействия, совмещения, скрещения, противопоставления и омонимического отталкивания русизмов и церковнославянизмов со все более и более усиливающимся влиянием народных русских элементов.

2. К работам Б. О. Унбегауна по русско-церковнославянским языковым связям и отношениям частично тематически примыкает доклад профессора калифорнийского университета Г. Хюттль-Ворт «Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка. К историческому анализу и классификации славянизмов»²⁰. Доклад начинается словами: «Мы находимся в начале нового этапа исследования истории русского литературного языка, а следовательно, и рассмотрения основной ее проблемы — вековых отношений церковнославянского и русского языков. В ближайшие годы — самое позднее, в ближайшие десять — двадцать лет — мы будем располагать не выданной до сих пор массой конкретной информации о словарном запасе русского и церковнославянского языков разных эпох. Этот фактический материал разными путями собирается и подвергается разностороннему анализу как на Востоке, так и на Западе» (стр. 1). Напоминая, что в разных славянских странах подготавливаются большие исторические словари (особенно в Праге — «Словарь старославянского языка»; в Загребе идут завершительные работы над расписываемым глаголических памятников; существует проект сводного словаря всех церковнославянских редакций²¹), Г. Хюттль-Ворт пишет: «Вследствие этого, теоретические рассуждения о лексическом расщеплении церковнославянского, равно как и русского языков смогут быть заменены конкретной исследовательской работой, ведущей к выделению лексических слоев также в хронологическом плане» (стр. 2). На этой базе, полагает Г. Хюттль-Ворт, могут быть собраны надежные материалы для разрешения двух центральных проблем истории русского литературного языка: 1) о его происхождении и 2) о количестве и роли церковнославянских элементов в русском языке разных эпох²². Для исторического исследования окажется полезным и морфемный словарь русского языка, составляемый под руководством проф. Д. С. Ворта в Калифорнии и содержащий 110 000 слов²³.

«Первой предпосылкой дальнейшей плодотворной работы над вопросом соотношения русского и церковнославянского языков является выяснение и разграничение употребляемых понятий и терминов», — пишет Г. Хюттль-Ворт (стр. 3). Особенно труден и запутан вопрос о новообразованиях русского языка, содержащих морфемы церковнославянского происхождения (типа *будущность, современность, общественность* и т. п.).

²⁰ «American contributions to the VI International congress of slavists», The Hague, 1968 (указания на стр. доклада даются в тексте).

²¹ См.: «Slovník jazyka staroslověnského», I, Praha, 1968; А. Назор, О словаре хорватско-глаголической редакции общеславянского литературного (церковнославянского) языка, ВЯ, 1966, 5; В. Ф. Мареш, Проект подготовки словаря церковнославянского языка, там же.

²² О подготовительных работах по словарю древнерусского языка см.: В. В. Виноградов, Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры, ВЯ, 1968, 1.

²³ D. S. Worth, A. C. Kozak, D. B. Johnson, Materials for the study of Russian morphology.

Отвергая взгляд на русские новообразования типа *вратарь* и т. п. как на церковнославянизмы (этот взгляд был высказан Б. О. Унбегауном и отчасти разделялся Г. О. Винокуром), поскольку в нем «не учитываются исторические и семантические факты языка» (стр. 4), Г. Хюттль-Ворт призывает славистов присоединиться к моему выводу: «Как уже предлагалось В. В. Виноградовым, при исследовании церковнославянских элементов в русском языке следует исходить из морфемы, а не из лексической единицы. В. В. Виноградов занимает, таким образом, прямо противоположную позицию по сравнению с Б. О. Унбегауном, считая, что русские новообразования из церковнославянских морфем вообще не нужно считать церковнославянизмами» (стр. 4—5)²⁴.

После этого Г. Хюттль-Ворт пишет: «Далее В. В. Виноградов намечает следующую важную проблему: церковнославянизм *община* — „то, что принадлежит многим“ получил в XIX веке новое значение из французского *commune*, потому это слово нельзя считать церковнославянским во всех его значениях... Подобным семантическим изменениям подверглось в продолжении XVIII—XIX веков не обследованное до сих пор количество церковнославянизмов» (стр. 5). Г. Хюттль-Ворт жалеет, что все эти случаи не получили у меня специального наименования; еще более строгий упрек она направляет по адресу работ Ю. С. Сорокина и В. Д. Левина²⁵. Г. Хюттль-Ворт считает, что в них полностью отсутствует «систематическое преподнесение церковнославянских с генетической точки зрения морфем, продуктивных в словообразовании XIX века, а также описание процесса их слияния с западноевропейскими и исконно русскими элементами» (стр. 5—6).

Между тем, по мнению Г. Хюттль-Ворт, «такой разницей, не дающий возможности успешно исследовать не разрешенные до сих пор проблемы, является — как нам кажется — результатом не столько расхождений во взглядах или фактических ошибок, сколько следствием недостатка четкого разграничения понятий и устойчивой терминологии» (стр. 6). Ведь типология церковнославянизмов в составе русской литературной лексики — одна из важнейших задач истории русского литературного языка. За каждым типом славянизмов следует закрепить особый термин. Сама Г. Хюттль-Ворт не берет на себя решение этой задачи в целом. Ее призвание — облегчить в будущем конкретное и полное описание церковнославянских элементов русского языка. В ее докладе не устанавливаются ни принципы классификации церковнославянизмов в составе русского литературного языка, ни критерии для широкого разграничения лексических пластов в целях дальнейшего разделения церковнославянизмов по их генетическим и хронологическим признакам, ни принципы связей и взаимодействий их с русизмами по формам и значениям и т. п.

Некоторые из уже существующих разновидностей церковнославянизмов намеренно не рассматриваются Г. Хюттль-Ворт; это, например, «стилистические» славянизмы, которые отличаются в современном языке фонетическими и морфологическими особенностями²⁶, «функциональные» славянизмы — в противоположность генетическим²⁷, «синтаксические» церковнославянизмы, «фразеологические» церковнославянизмы и некот. др.

²⁴ В. В. Виноградов, К истории лексики русского литературного языка, «Русская речь». Новая серия, I, Л., 1927, стр. 101.

²⁵ Ю. С. Сорокин, Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века, М.—Л., 1965; В. Д. Левин, Очерк стилистики русского литературного языка XVIII — начала XIX в. (Лексика), М., 1964.

²⁶ Ср.: А. В. Исаенко, Die russische Sprache der Gegenwart, I — Formenlehre, Halle (Saale), 1962, стр. 33—35.

²⁷ A. Sachmatov, G. Shevelov, Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache, Wiesbaden, 1960.

Таким образом, Г. Хюттль-Ворт считает преждевременным наметать какую-нибудь целесообразно расчлененную классификацию церковнославянизмов в русском языке. При этом она предлагает предварительно пользоваться некоторой хронологической схемой, например: церковнославянский язык русской редакции в период первого южнославянского влияния (начиная с крещения Руси до конца XIV в.), церковнославянский язык русской редакции в период второго южнославянского влияния (конец XIV—XVI вв.), поздняя украинская редакция церковнославянского языка, оказывавшая влияние с конца XVI в. до Петровской эпохи на церковнославянский язык поздней русской редакции. Заимствования из церковнославянского, начиная с послепетровской эпохи, не учитываются.

В моих более поздних работах для обозначения таких типов русских лексических образований, в которых церковнославянские морфемы являются живыми элементами современного русского словообразования, употребляется термин «славянорусизм». Но, естественно, если учитывать все многообразие типов славянорусского словообразования, одного этого термина оказывается недостаточно (ср. например, такие славянорусские образования, как *обворожительный, очаровательный, обаяние, событие, просишествие, посредственность, деятель* — 30—40-е годы, и т. п.).

Предлагаемая Г. Хюттль-Ворт система терминологии по отношению к церковнославянизмам в составе русского литературного языка и схема их предварительного изучения таковы. «В качестве самого общего термина для всех слов, отличающихся какой-либо церковнославянской чертой, предлагается термин „славянизм“» (стр. 6). В основу классификации положен принцип «четкого отделения церковнославянизмов, т. е. слов, заимствованных из старославянского и из его разных редакций, от слов, которые являются новообразованиями уже на почве русского языка и содержат церковнославянские морфемы (= неославянизмы)» (стр. 6). Итак, предлагается в составе русского языка различать два основных типа слов: церковнославянизмы и неославянизмы. Эта классификация представляется неисторичной и малопродуктивной. Выикнем в нее.

К церковнославянизмам «относятся целые лексические единицы (слова), засвидетельствованные в церковнославянском и заимствованные русским языком» (стр. 6). Не очень ясно выражение — «целые лексические единицы (слова)». Ведь и «неославянизмы» — «целые лексические единицы», хотя и составленные из разных морфем. Почему же структурные типы церковнославянизмов до XVII в. не дифференцируются? О морфологическом составе церковнославянизмов ничего не говорится. А ведь в церковнославянском языке русской редакции формировались из церковнославянских морфем или из церковнославянских и византийских новые слова (например, *одиночество* в Хронике Георгия Амартола).

О церковнославянизмах говорится, что «это общее понятие охватывает слова различного происхождения (из классического старославянского языка, эллинизмы, моравизмы, латинизмы, слова церковнославянского языка разных редакций и некоторые другие немногочисленные группы, как, например, гебраизмы)» (стр. 6—7). Действительно, в возникновении и развитии русских церковнославянизмов возможен полигенезис (они могли быть сербского, болгарского, русского и т. д. происхождения). Вместе с тем все эти церковнославянизмы — заимствования. Очень сложные причины, способы и формы их семантических изменений. По мнению Г. Хюттль-Ворт, ими почти никто не занимался²⁸; лексикографические труды неполны и несовершенны (ср. хотя бы реальную историю слова

²⁸ Опыты такого рода имеются. См.: В. В. Виноградов, Материалы и исследования в области исторической лексикологии русского литературного языка, «Научный бюллетень [ЛГУ]», 6, 1946.

гражданский и ее отражение в словарях). Между тем нужно прежде всего «проследить семантическое развитие сотен церковнославянизмов с момента их заимствования русским языком в продолжение всех исторических этапов вплоть до современности» (стр. 9).

Вследствие недостатка предварительных работ конкретно-исторического характера Г. Хюттль-Ворт предлагает пока разделить церковнославянизмы на три группы: 1) слова, заимствованные без семантических изменений и сохраняющие свое исконное значение до настоящего времени (или до того, как они вышли из употребления) — ср. *жажда* «сильное желание пить» и перен. «страстное желание». О необходимости изучать и для этих церковнославянизмов изменения контекстов, особенности их употребления и возможные образования фразеологизмов не упоминается; 2) церковнославянизмы «секуляризованные», т. е. несколько изменившие свое значение вследствие разрыва с религиозной средой, например, *торжество* «праздник», *съюзъ* «союз» и т. п. Особенно содержательны, по оценке Г. Хюттль-Ворт, имеющиеся исследования в области общественно-политической и юридической терминологии. Например, можно констатировать, что «сдвиг значения *закон* „божественный закон, вера“ в сторону значения „закон вообще“ произошел в начале XVIII в.» (стр. 12)²⁹.

В связи с вопросом о секуляризации следует указать на процесс модернизации церковнославянизмов: «Многочисленные церковнославянизмы, как, напр., *астрономия* или *врач*, отражают в своей семантике вековое развитие цивилизации» (стр. 12). С этими процессами связываются также внутренние изменения значений слов — от праславянского языка к древнерусскому, например, *огнь* — к «адскому пламени», *путь* от «дороги» к «образу жизни».

Давняя работа Ф. И. Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык» (М., 1848) Г. Хюттль-Ворт осталась незамеченной. Можно было отметить среди последующих работ и исследования польского ученого Е. Клиха.

Третью группу (3) составляют церковнославянизмы с измененным значением. Четкое ограничение многих слов второй группы (как *закон*, *согражданин* первоначально «спутник святых или ангелов») от следующей группы, «по-видимому, практически почти не осуществимо, — как пишет Г. Хюттль-Ворт, — так как классификация на основании семантических критериев затруднительна (как по внутренним причинам, так и вследствие несовершенства словарей), однако, по крайней мере, теоретически следует указать на то, что многие церковнославянизмы подверглись значительно более сложным семантическим процессам. Здесь можно установить два подвида: а) слова, в которых исконное значение было совершенно вытеснено (по-видимому, без внешнего влияния), как например, *учреждение* „угощение, пир“, — совр. „общественная или государственная организация“... б) слова с измененным значением или с дополнительными значениями, возникшие вследствие семантических наслоений под последовательным влиянием других языков» (стр. 13). Например: *общество* (ср. в XIX в.: *душа общества*, *сливки общества*, *общественник*, *общественность* и т. п.); *просвещение* (в XVIII—XIX вв. *эпоха просвещения*); *влияние*, *образование*, *развитие*, *среда*, *чувство*, *чувствие*, *чувственный*, *чувственность*, *чувствительный* и т. п. В этих церковнославянизмах новые значения сложились в русском литературном языке в XVIII и XIX вв. Сюда же относится ряд слов и выражений, в которых пейоративные значения частично или полностью вытеснены положительными. Например: *преlestь*, *пре-*

²⁹ См.: В. О. Unbegaun, *Russe et slavons dans la terminologie juridique*, RESt, 34, fasc. 1—4, 1957, стр. 131—134.

лестный, пленить, пленительный, обаяние, обаятельный; упоение, упоительный и т. п. «Граница между второй и третьей группой подвижна, что практически означает наличие переходных случаев. Исследование третьей группы самое трудное, так как семантическое содержание таких слов является суммой разнородных факторов» (стр. 16).

Таким образом Г. Хюттль-Ворт, в сущности, не предлагает никакой классификации церковнославянизмов. Выделяются церковнославянизмы с неизменной внутренней семантикой и есть церковнославянизмы с изменяющимся кругом значений, среди них группа подвергнувшихся секуляризации, т. е. вышедших за пределы религиозной сферы понятий. Никакого другого членения — ни словообразовательного, ни историко-семантического — не предлагается. А между тем имеются примеры иного типа. Например, до XIV в. в древнерусском языке слова *участие* и *участок* были синонимами, с XIV—XV вв. значения этих слов расходятся приблизительно по тем направлениям, по которым их семантика движется в настоящее время.

От церковнославянских заимствований в русском языке Г. Хюттль-Ворт предлагает «четко ограничивать новообразования, составленные из церковнославянских морфем в самом русском языке», которые она называет «неославянизмами» (стр. 17). Между неославянизмами и древними церковнославянизмами есть существенные различия. Эти различия сводятся к следующему: «а) различия генетические: церковнославянизмы являются заимствованиями из другого, хотя и близкородственного языка, тогда как неославянизмы возникли на почве самого русского языка; б) различия хронологические: подавляющее большинство церковнославянизмов несомненно старше (в большинстве случаев на целые столетия) неославянизмов, которые по большей части создавались и создаются начиная с XVIII в. до наших дней (очевидно, только эта группа продуктивна, т. е. ее число постоянно возрастает); в) семантические различия: в отличие от церковнославянизмов, неославянизмы возникли полностью за пределами религиозной сферы, в разных стилях и профессиональных диалектах русского языка, в особенности в научно-технической речи; 2) формальные различия: в противоположность церковнославянизмам большинство неославянизмов представляет собой разного типа амальгамы из гетерогенных элементов — церковнославянского, русского и иноязычного происхождения» (стр. 17). Здесь следует заметить, что для церковнославянских производных слов трудно определить в большом количестве случаев, когда они составлены в самом церковнославянском языке разных редакций и когда они появились в русском литературном языке.

Г. Хюттль-Ворт пытается вкратце показать, каким образом можно было бы провести диахроническую классификацию неославянизмов. Эта классификация должна представлять собою деление на подтипы на основе «маркированного» компонента в слове, т. е. по типу морфемы (или морфем) церковнославянского происхождения. Последние противопоставляются немаркированным, нецерковнославянским морфемам (т. е. русского или иноязычного происхождения). Но бывают и «чистые неославянизмы» — это слова, которые были созданы в русском языке исключительно из церковнославянских морфем (например, *времяпрепровождение*, *времяисчисление*). Все другие неологизмы — смешанные образования, гибриды. Особенно частый тип представляют собой сочетания немаркированных лексических морфем с церковнославянскими аффиксами. Продуктивны разные типы суффиксальных, префиксальных и аффиксальных неославянизмов. Таковы, например, формы причастий (*реферирующий*), производные формы существительных и прилагательных с суффиксами *-тель*, *-тельный* (например, *получатель*, *чувствительный*), приставочные неославянизмы

типа *пּרֶחֶרֶשֶׁןֶקֶיךָ*, *предпарламент*, аффиксальные неославянизмы типа *най-холодн-ейший* и т. п.

Сама Г. Хюттль-Ворт непосредственно чувствует, что проблема расчленения слов на отдельные морфемы легка лишь в синхронном плане и только по отношению к современной живой речи, а при историческом изучении неославянизмов следует «как можно больше опираться на действительный процесс словообразования, ... на историческую реальность» (стр. 19). По мнению Г. Хюттль-Ворт, надо «проводить членение только на деривационные основы (или в сложных словах — на составные части) и аффиксы, а не расчленение определенного слова или формы на каждую морфему в отдельности» (стр. 19). Достаточно привести один-два примера, чтобы было ясно, что проблема морфологического анализа слов или рядов слов гораздо сложнее, чем она здесь представлена. В глаголе *обуять* (например, у Горького: «тяжелая дума обуяла его»; у Пушкина: «кто обуял твой дивный ум?» и т. п.) слилось два омонима: 1) *об-у-ять* «охватить, объять» — переносно о душевном состоянии: «тоска его обуяла» (ср. в древнерусских памятниках, например, в Житии Андрея Юродивого: «Объимъ, лобза его»; в Палее XIV в.: «азъ обуять пьянствомъ» и т. п.)³⁰ и 2) *о-буити, обуяти* «лишить смысла, обезумить и обезуметь» (ср. в старославянском языке *буи* — глупый; в народных заклинаниях, собранных Н. И. Барсовым: «О раб божий, имярек... Где тут быти, где гуляти, где буйти?»³¹).

Ср. у Державина:

Коль самолюбя лесть
Не обуяла б ум надменный...
(Вельм. 623)
Европа злобой обуянна
(Флот, 691)³²

у Пушкина:

Гордыней обуянный,
Обманывал я бога и людей
(«Борис Годунов»)
Как обуянный силой черной,
«Добро, строитель чудотворный!»
Шепнул он, злобно задрожав
(«Медный всадник»)

Непродуктивность задуманной Г. Хюттль-Ворт классификации так называемых «неославянизмов» видна из такой ее ошибки. Она смешала два разных глагола — церковнославянский *износити* — *изнести* («вынести») и народно-русский *износить* — *изнашивать* («делать ветхим в результате носки»). Ср. *изити* — *исходити* — *исход* и *исходить* — *исхаживать*. Отсюда недоумение: «Как же рассматривать эту новую видовую пару с исторической точки зрения? Считать ли русское слово *износить* с генетической точки зрения церковнославянизмом с изменением значения или новообразованием на почве русского языка?» (стр. 20). Наивность вопроса позволяет оставить его без ответа. Но есть вопросы и более сложные, например: куда относить по классификации Г. Хюттль-Ворт такие слова, как *охрана* (слово, созданное О. И. Сенковским на основе польского *ochrona*) и *охранка* (ср. *ochronka, ochroniciel*; *поелику*; *потребность* (польск. *potrzebność*), *крестьянин* (из *христианин*) и множество других?³³ Как

³⁰ См.: И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, II, СПб., 1902, стр. 558, 564.

³¹ Н. И. Барсов, К литературе об историческом значении русских народных заклинаний, «Русская старина», 77, 1893, январь — февраль — март, стр. 214—215.

³² Я. К. Грот, Словарь к стихотворениям Державина.

³³ П. Б. Струве считал, что *крестьянин* возникло в связи с древнерусским церковным землевладением в XIV—XV вв. (см., например: «Slavia», IX, seš. 1, 1930, стр. 213).

понять словообразовательные связи с церковнославянизмами, если такие связи имеются (а это сомнительно), у народно-диалектных слов вроде *богатимый* (= *богатеиший*, оренбургск.) или *страшимый* (= *очень страшный*, о волнах в бурю на Камском разливе) и т. д.? ³⁴.

Сама Г. Хюттль-Ворт оптимистически смотрит на эти «тяжело преодолимые затруднения». «В словообразовании часто не хватает соединяющих звеньев, что мешает провести четкую классификацию» (стр. 20). Но главные затруднения при применении предлагаемого метода изучения и распределения церковнославянизмов создаются близким родством церковнославянского и русского языков: «большая часть существующих в обоих языках лексических единиц, корней и аффиксов идентична, имеет одно и то же значение и засвидетельствована как в старославянском-церковнославянском языке русской редакции, так и в исконно древнерусских текстах. При настоящем состоянии исследования невозможно выделить среди них церковнославянизмы» (стр. 20). И здесь как будто бы успокоительное решение предлагает Б. О. Унбегаун: «По Б. О. Унбегауну эти элементы также не играют большой роли в русском словообразовании, в противоположность специфически русским или церковнославянским (там же).

Однако трудно так решительно говорить о том, что нам неизвестно: по мнению самой Г. Хюттль-Ворт, наши знания исторического словопроизводства очень невелики. Г. Хюттль-Ворт справедливо замечает, что «при обсуждении неославянизмов принималась до сих пор во внимание только формальная сторона их возникновения, а разные виды слияний из гетерогенных элементов подавались в наброске» (стр. 20—21). Совершенно верно то, что историческая семантика новообразований в русском литературном языке XVII—XIX вв. очень мало исследована. У нас еще не создана историческая лексикология русского литературного языка с глубоким исследованием всех сфер литературной лексики в их взаимодействии и историческом развитии. А ведь только на таком широком историческом фоне могут быть определены законы и правила взаимодействия русизмов со славянизмами, без применения темного понятия «неославянизма». Тем более, что «неославянизмы почти без исключения созданы по немецким и французским образцам, а, как известно, в церковном языке кальки были переводом с греческого языка» (стр. 21).

Однако, чувствуя себя пионером в области диахронического анализа и классификации неославянизмов и надеясь своим методом преодолеть продолжительный застой в исследовании, Г. Хюттль-Ворт продолжает: «Примененный метод рассмотрения поднимает целый ряд вопросов. Каково отношение между исконно русскими и генетически церковнославянскими элементами? Являются ли чистые неославянизмы сильно преобладающим типом? Изменяют ли церковнославянские основы почти всегда свое значение, перед тем как возникают неославянизмы при помощи этих основ? Каждый из приведенных вопросов следовало бы ставить в отдельности по крайней мере для XVIII, XIX вв., для настоящего времени» (стр. 22). Конечно, и эти и другие вопросы полезно ставить, хотя и понятие «неославянизмов», и предложенная классификация их возникли не независимо от ответов на эти вопросы. Тем более представляется странным заявление Г. Хюттль-Ворт о самой важной и «основной проблеме, которая ждет еще своего решения: какие же морфемы русского языка происходят действительно из церковнославянского языка? Если отказаться от неоспоримых фонетических критериев, мы сразу очутимся на зыбкой почве»

³⁴ С. К. Булич, Материалы для русского словаря, ИОРЯС, 1, кн. 2, 1896, стр. 296 и 327.

(стр. 22). Но такую же зыбкую почву мы ощутим, если при выделении «церковнославянизмов» (а не «неославянизмов») будем руководствоваться показаниями «церковного произношения» и фонетическими приметамы высокого стиля (например, в звучании рифм поэзии XVIII и нач. XIX в.).

По утверждению Г. Хюттль-Ворт, «меньше всего выяснено происхождение данных словообразовательных морфем» ... до сих пор мы не располагаем данными, чтобы хоть приблизительно охватить количество церковнославянских элементов в русском языке» (стр. 22). При этом Г. Хюттль-Ворт ссылается на историю суффикса *-ость*, изучавшуюся Н. М. Шанским³⁵.

По формулировке Н. М. Шанского, суффикс *-ость* (*глупость, радость, преклонность* и т. п.) «продуктивностью своей в русском литературном языке... обязан литературному языку Юго-Западной Руси»³⁶, хотя он засвидетельствован не только в старославянском и церковнославянском языке русской редакции, но и в древнерусских текстах. Правда, «нельзя исключить и ту возможность, что распространение суффикса *-ость* началось уже в период второго южнославянского влияния» (стр. 23), однако этот вопрос не исследован. Прочно установленным фактом можно считать пока лишь широкое распространение этого суффикса с XVII в. Г. Хюттль-Ворт видит в этом факте «влияние церковнославянского языка поздней украинской редакции»³⁷. Но этот украинский вариант позднего церковнославянского языка, который «был пересажен» украинскими учеными в Москву и кодифицирован грамматикой Мелетия Смотрицкого и словарем Памвы Берныды, исследован пока еще очень недостаточно³⁸. Поэтому дальнейшие конкретные замечания Г. Хюттль-Ворт о суффиксе *-ость* в русском литературном языке конца XVII в.—XVIII в., о суффиксах прилагательных *-тельн-* (ср. новообразования Ломоносова *живительный, унижительный*) представляют интерес для изучения истории литературного языка, но связь их распространения в русском литературном языке с воздействием литературного языка Юго-Западной Руси и позднего церковнославянского языка украинской редакции нуждается в более глубоком и разностороннем исследовании (ср. также интересные указания на историю слов на *-мость* типа *движимость*).

Таким образом, в работе Г. Хюттль-Ворт «Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка» имеется немало интересных конкретных замечаний по русскому историческому словообразованию и по истории значений отдельных славянизмов. Однако разграничение понятий «церковнославянизм» и «неославянизм» применительно к истории русского литературного языка следует признать неясным и исторически необоснованным. Общая концепция развития русского литературного языка, которой придерживается Г. Хюттль-Ворт, не отличается четкостью и определенностью. Выделение отдельных церковнославянских и неославянских слов и их групп и «рядов» слов из общего исторического движения русской литературной лексики (включая сюда и народные русские «элементы») не содействует их анализу в исторической взаимосвязи

³⁵ См.: Н. М. Ш а н с к и й, Из истории имен существительных на *-ость* в русском литературном языке. Канд. диссерт., М., 1948.

³⁶ Е г о ж е, О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке, «Вопросы истории русского языка», [М.], 1959, стр. 131.

³⁷ См.: Г. Х ю т т л ь - В о р т, Проблемы межславянских и славяно-неславянских лексических отношений, «American contributions to the V International congress of slavists», The Hague, 1963.

³⁸ См. указание на его воздействие на русский литературный язык с XVII в. в работах: Н. С. Т р у б е ц к о й, К проблеме русского самосознания, Париж, 1928; В. В. В и н о г р а д о в, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., изд. 2-е, перераб. и доп., М., 1938; G. Y. S h e v e l o v, Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache, стр. 18.

и системности. Вопросы об омонимии церковнославянизмов и русизмов, об их параллельных синонимических рядах, о вариантах образования слов (ср., например, *председатель*, *председетель* и *председальник*) и т. п. даже не ставятся. Ковкретный пример из истории одного «неославянизма» может ярче всего показать, как иногда далеки теоретические построения Г. Хюттль-Ворт от живой истории отдельных русских слов.

Слово *предприниматель* (от глагола *предпринимать*) в русском языке появилось позднее, чем слово *предприятие*. Слово *предприниматель*, сохраняющее налет книжности, в современном русском языке выражает два значения: 1) капиталист — владелец промышленного или торгового предприятия, 2) аферист, ловкий организатор выгодных дел, предприятий. Это слово возникло в книжном русском языке не ранее 40—50-х годов XIX в. Оно образовано под сильным влиянием франц. *antrepreneur*.

Слова *предприниматель* нет в Академическом словаре 1847 г. Но оно уже помещено в «Толковом словаре» Даля, хотя истолковано здесь чисто морфологически: «предпринявший что-либо». В журнально-публицистическом языке 50-х годов XIX в. это слово звучало как неологизм. Например, В. Безобразов писал: «Нам уже не раз случалось употребить выражение *хозяин предприятия* вместо французского *антрепренер*. Иначе мы не умеем перевести это слово: и едва ли возможно передать ближе на русском языке понятие, соединяемое с французским названием. Хотя и употребляется у нас слово *антрепренер*, — но в нем есть что-то не только чуждое языку, но и чуждое экономическим условиям народной промышленности... Название *антрепренер* в понятиях нашего народа название как-то не серьезное, не соответствующее его насущным потребностям; до сих пор употребляют слово *антрепренер*, когда говорят о какой-нибудь заморской затее для общественного увеселения, о театре, о кочующих труппах комедиантов, музыкантов и проч., о чем-то непостоянном, случайном. Но *антрепренер* и не мог у нас получить того народного значения, какое соответствует этому слову на Западе. У нас есть название: *подрядчик, барышник, хозяин*. Все эти слова заключают в себе многие экономические понятия, связанные со словом *антрепренер*: но подрядом нельзя назвать всякое промышленное предприятие, барышничество — представляет одну только сторону деятельности антрепренера и притом с некоторою примесью не совсем честного, по крайней мере, правильного труда; название *хозяин*, близко соответствуя значению *антрепренера*, имеет за собою действительное его употребление на народном экономическом языке, — хотя до сих пор скорее в менее важных промышленных делах. Наконец производное — *предприниматель* кажется нам слишком искусственным, слишком книжным, а книжные экономические названия, не подходящие ни под действительные экономические факты страны, ни под народные понятия, всегда кажутся чем-то чуждым, враждебным науке, которой лучше, в настоящее время, начало, лучшее убеждение — это необходимость исследования только действительных фактов жизни»³⁹.

В заключение необходимо призвать, что, несмотря на некоторую односторонность и теоретическую разноплановость, работы Б. О. Унбегауна и Г. Хюттль-Ворт⁴⁰ пробуждают много мыслей и побуждают к более глубокому и многостороннему изучению процессов развития русского литературного языка и роли церковнославянизмов в его истории.

³⁹ В. Безобразов, О промышленных предприятиях, «Русский вестник», II, кн. 2, 1856, стр. 314—315.

⁴⁰ См. также их работы, появившиеся в самое последнее время: Б. О. Unbegaun, Selected papers on Russian and Slavonic philology, Oxford, 1969; см. также: G. H. Worth, Church Slavonic elements in Russian, «Oxford Slavonic papers», I, 1968.